

—

Первого числа десятого месяца в уездной управе состоялось собрание старост всех деревень уезда.

Каждая деревня и каждый двор ждали новостей о налогах в этом году. После того, как закончится сбор налогов, все вопросы, связанные с осенним урожаем этого года, будут считаться завершенными.

«Даже не знаю, какие будут налоги в этом году».

Юань Хуэйжу, неся отруби, покормила кур, вытянула шею, наблюдая, нет ли какого-либо движения в деревне.

Обычно после собрания в городе староста сразу же созывает жителей деревни на собрание, чтобы объявить о размере налогов в этом году.

Хотя сейчас у нее были деньги, и ей не нужно было беспокоиться о том, увеличатся налоги или уменьшатся, она все равно была крестьянкой всю жизнь, и два главных события в году были связаны именно с этим.

Отсутствие результата заставляло ее беспокоиться, и, скорее всего, сейчас вся деревня ждала возвращения старосты для собрания.

Хо Шу расколол две охапки дров и, увидев, что Юань Хуэйжу все еще смотрит вдаль, остановился.

На юге было много дождей, и после поздней осени дождь шел через день. Сегодня утром, когда они встали, дул легкий ветер, и небо было пасмурным. К полудню оно так и не прояснилось, видимо, снова пойдет дождь.

Если так пойдет и дальше, то зимой, скорее всего, солнечных дней будет еще меньше.

Хо Шу не особо заботился о налогах. Он просто чувствовал, что уже несколько дней не видел Цзи Таоюя.

С тех пор как тот человек вернулся из города в слезах, он, кажется, больше не выходил из дома.

В деревне сейчас не было никаких новостей ни от семьи Цзи, ни от семьи Юй, все было тихо и спокойно, как будто ничего не происходило.

К счастью, в тот день он тайно наблюдал, иначе сейчас бы тоже подумал, что семья Цзи смирилась и решила продолжать держаться за выгодного жениха.

Казалось, что главные мысли всех жителей деревни были сосредоточены на налогах, и никто в деревне не обсуждал ничего другого.

«Где будет собрание?»

Юань Хуэйжу, услышав голос Хо Шу, на мгновение опешила и не сразу поняла, о чем он спрашивает.

«Ты говоришь о собрании по налогам? У нас в деревне все идут к старосте домой, от каждого двора должен быть хотя бы один представитель. Тебе не нравятся эти хлопоты, тогда я пойду».

Хо Шу же сказал: «Налоги – это первостепенное дело для крестьян. Я пойду с приемной матерью».

«Раз ты хочешь пойти, так даже лучше».

Юань Хуэйжу подумала, что Хо Шу выглядит суровым, мало говорит, редко разговаривает с ней, когда нет дела, не говоря уже о жителях деревни.

Раз уж он поселился в деревне, хорошо бы больше общаться и участвовать в собраниях, показаться на людях, это поможет быстрее влиться в деревенскую жизнь.

Был уже почти полдень, когда Цзи Янцзун вернулся из города. По пути в деревню он предупреждал всех встречных, чтобы они собрались у них дома во второй половине дня.

Тех, кому он не сообщил, оповестил работник его семьи, Да Нью, обходя каждый дом. Как раз в обед все семьи готовили еду, и все были дома.

Сразу после полудня те, у кого были быстрые ноги, уже отправились к дому Цзи.

Когда Хо Шу и Юань Хуэйжу пришли, во дворе семьи Цзи уже ждало много крестьян.

В деревне редко случаются какие-то важные события, обычно собрание проводится раз в месяц, пятнадцатого числа в середине месяца староста объявляет о больших и малых делах деревни.

Например, кто-то собирается открыть пруд для продажи рыбы, кому-то нужна помощь подсобных рабочих для ремонта дома, кто-то собирается устроить пир и так далее.

Если вы заранее сообщите об этом старосте деревни, вы сможете оповестить всю деревню в день собрания.

Обычно в этот день собрание было очень оживленным, жители деревни, наконец-то собравшись вместе, шумели и галдели.

В начале этого месяца случилось важное событие, связанное с налогами, поэтому было назначено внеочередное собрание.

Сегодня все присутствующие были необычно тихими. Они нашли себе место во дворе семьи Цзи, сидели на корточках или стояли, большинство молчали, на их землистых лицах читалось беспокойство.

Но были и те, кто пытался скрыть свою радость, но не мог.

«Госпожа Сунь, вам повезло, впредь вам не придется беспокоиться о налогах, в отличие от нас, которые каждый год должны ждать указов двора».

«Какие там слова, если не беспокоишься об одном, то беспокоишься о другом, беспокойствам нет конца. Остается только смотреть на все проще».

«Только у госпожи Сунь такое сердце. Если бы мой второй сын сдал экзамены, мне бы даже лень было бежать сюда на собрание».

Несколько женщин и мужчин окружили Сунь Юаньян, осыпая ее комплиментами.

Сунь Юаньян время от времени поднимала руку, чтобы поправить прическу, и улыбалась, поджав губы, с большим удовольствием выслушивая эти похвалы.

Неудивительно, что она сегодня специально пришла на собрание. В свое время она вышла замуж за Юй Лаосы, несмотря на противодействие семьи. Отношения со свекровью были плохими, и она немало наслушалась сплетен от деревенских болтушек.

Теперь, добившись успеха и славы, она, конечно, не упустила возможности насладиться завистью односельчан.

Не только Сунь Юаньян, но и представители других ветвей семьи Юй тоже пришли, и им тоже выражали поздравления.

Хуан Маньцзин, разнося чай, увидела Сунь Юаньнян, которая оживленно беседовала среди группы крестьян, обошла ее, поставила чай на стол и даже не подошла поздороваться.

Хо Шу, скрестив руки, прислонился к каменной стене у персикового дерева в доме Цзи и молча оглядел обстановку во дворе.

Примерно через четверть часа Цзи Янцзун собрал всех, коротко сделал переключку и, убедившись, что от каждого двора кто-то пришел, приготовился начать собрание.

У главных ворот появился Юй Линсяо, как раз вовремя.

Все посмотрели на него и стали перешептываться.

«Дядюшка Цзи, я опоздал».

Юй Линсяо сложил руки перед Цзи Янцзуном.

Цзи Янцзун окинул его взглядом, махнул рукой, показывая, чтобы он заходил, но ничего не сказал в приветствие.

Крестьяне на мгновение удивились, но не успели перешепнуться, как Цзи Янцзун уже заговорил о налогах.

«Налоги в этом году с уезда собраны. Налог на урожай остался прежним, четыре десятых нужно сдавать. Но в части налогов есть некоторые изменения».

Цзи Янцзун развернул свои записи, сделанные сегодня в уездной управе: «Я сейчас зачитаю их всем, а потом повешу у входа. Кто не запомнит, сможет потом сам посмотреть».

Услышав это, крестьяне поняли, что налоги, скорее всего, снова выросли, и никто не произнес ни слова.

«Подушная подать сто двадцать вэней с человека, со взрослого – двести вэней, подворная подать – пятьсот вэней с домохозяйства. Кроме того, в этом году добавился налог на подношение – пятьдесят вэней с каждого взрослого. Говорят, война на севере закончилась, и солдаты, охранявшие границу все эти годы, хоть и не совершили подвигов, но много трудились. Теперь большая армия возвращается в столицу, и их нужно как-то наградить».

Крестьяне уже жаловались, услышав о налогах, а услышав о налоге на подношение, все тут же закричали: «В прошлом году подушная подать была всего сто, в этом году выросла на двадцать вэней, с взрослого тоже на пятьдесят, а подворная подать аж на сто! В общей сложности это выросло на сто семьдесят вэней, и это еще не считая количества людей в семье».

«И еще налог на подношение, опять по числу людей, а не по дворам. Семьям, где всего один-два взрослых человека, совсем не жить!»

«Налоги растут год от года, то тут добавляют несколько десятков, то там. А зерно за сколько продашь?»

«Мужчин на войну забирали отсюда, а платить налог на подношение приходится нам. В итоге деньги еще неизвестно дойдут ли до солдат. На нас взвалили и людей, и деньги, а мы ничего не получили».

Во дворе поднялся шум, и вскоре все стали ругаться.

Ближайшие родственники семьи Юй, услышав о налогах в этом году, непрестанно качали головами, но в душе им становилось все веселее.

Чем больше росли налоги, тем лучшего положения они могли достичь.

Цзи Янцзун, очевидно, привык к таким сценам и позволил всем немного поругаться.

Он стоял, заложив руки за спину, и, видя, что время подходит, тихо сказал: «Ладно, указы двора – это не то, что мы, простые люди, можем обсуждать. Все подготовьтесь, соберите нужное зерно, подготовьте деньги на налоги, занимайте, кто может, не тяните».

«Все равно придется платить. Если будете тянуть, чиновники из уездной управы снова начнут говорить, и, воспользовавшись ситуацией, снова будут придирааться к нашей деревне».

Деревенские жители шептались: «У старосты теперь хороший зять, и налоги, хоть и выросли до небес, его не касаются. Действительно, легко говорить, когда не стоишь на ногах, а командовать нами у него хорошо получается».

«Да, теперь вот ему не нравится, что мы долго платим налоги. У него же записано, какой урожай в деревне, разве он не знает, какая ситуация?»

Цзи Янцзун стоял недалеко, его уши были остры, и он слышал шепот крестьян, но не стал их отчитывать.

Он взглянул на гордо стоящую в толпе Сунь Юаньнян. Они посмотрели друг на друга, и, увидев, что Сунь Юаньнян выглядит так, будто смотрит представление, он холодно усмехнулся про себя. Он прекрасно знал, о чем сейчас думает эта женщина по фамилии Сунь.

«Ладно, ладно, я знаю, что у всех на сердце неспокойно. Мы все односельчане, поможем друг другу пережить трудности. Год за годом переживем. У нас в деревне разве не появился

цзюйжэнь? В будущем он обязательно прославит нашу деревню».

Цзи Янцзун, надев на Юй Линсяо «высокую шляпу» (т.е. похвалив его), продолжил: «Кстати, кроме налогов, есть еще несколько мелких дел в деревне, которые нужно объявить. Семья Чжао Чандэ, Чансуй ушел на фронт десять лет назад и не вернулся. Юань Хуэйжу признала боевого товарища Чансуя приемным сыном, он уже поселился в деревне, отныне все мы односельчане, не относитесь к нему как к чужаку. Семье Чжао непросто, помогайте друг другу».

«Кроме того, это брак между семьями Цзи и Юй. Впредь не обсуждайте его. Сегодня они сами расстались. Кто хочет сватать, пусть сватает, кто хочет просить руки, пусть просит».

Цзи Янцзун говорил прямо. В наше время нередки случаи, когда помолвка расторгается, это не такое уж редкое событие. Вдовство и повторное замужество тоже случаются, и это не первый такой случай.

Все еще были погружены в беспокойство по поводу растущих налогов, поэтому другие, даже более важные, дела казались не такими значительными.

Однако, услышав, что помолвка между семьями Цзи и Юй расторгнута, все тут же очень удивились, и невольно захотели узнать, что произошло. Но в деревне объявляли только о расторжении брака, не объясняя причин, и никто не осмелился спросить.

«Вот и все на сегодня, дел больше нет, можете расходиться».

Крестьяне зашумели и стали расходиться группами.

«Как это так, хороший брак вдруг расторгли? Староста сошел с ума? Ждал столько лет, не для того ли, чтобы Юй Эрлан чего-то достиг? Добился успеха, а теперь не женится».

«Ты думаешь, староста похож на дурака? Это дело, скорее всего, семья Юй не согласилась».

«Тогда у семьи Юй совсем нет совести, ведь староста им немало помогал».

«Мир изменился, сердца людей не прежние. Я думаю, впредь не стоит ждать от семьи Юй какой-либо выгоды для нас».

«Ладно уж, кому интересны дела этих богачей. Что делать с налогами в этом году?»

Жители деревни, избегая членов семьи Юй, шепотом переговаривались, уходя, и продолжали обсуждать.

Хотя не было сказано, кто именно предложил расторгнуть помолвку, все понимали, кто сейчас силен, а кто слаб. Всем сразу показалось, что семья Юй, добившись успеха, решила избавиться от старых связей.

«Мама, разве ты не говорила, что дядюшка не будет объявлять об этом деле! Теперь нет пути назад!»

Юй Линсяо, услышав объявление Цзи Янцзуна, словно получил неожиданный удар. Его глаза покраснели, и он в тревоге схватил Сунь Юаньнян за руку. Произошедшее превзошло все ожидания матери и сына.

Сунь Юаньнян тоже была несколько удивлена и не сразу пришла в себя. Она не ожидала, что семья Цзи окажется такой упрямой и откажется от такого хорошего брака.

Видя, что налоги снова растут, она удивилась, что они смогли отказаться от возможности получить защиту. Она глубоко вздохнула, недооценив Цзи Янцзуна.

Она посмотрела на своего сына, который всегда был вежливым и воспитанным, но теперь потерял самообладание, быстро хлопала его по руке и успокаивающе сказала: «Раз уж они так настаивают на расторжении помолвки, пусть будет по их желанию. Зато нам не придется прикладывать усилия, чтобы уладить все».

«Мама!»

Увидев поведение матери, Юй Линсяо еще больше встревожился. Поскольку Сунь Юаньнян, очевидно, не хотела этого брака, он просто отпустил ее руку: «Я сам пойду и поговорю с дядюшкой Цзи».

«Куда ты пойдешь говорить с ним!»

Сунь Юаньнян, видя упрямство сына, хотела подойти и схватить его, но тот быстро двинулся и сразу же отскочил.

«А-Шу, возвращайся».

Юань Хуэйжу сегодня услышала о двух важных событиях, и в душе у нее было беспокойно.

Видя, что большинство деревенских жителей у ворот разошлись, она тоже собиралась уходить.

Взгляд Хо Шу был направлен на мать и сына Юй. Он видел, что Юй Линсяо, осознав, что его будущий муж действительно потерян, пришел в себя и теперь раскаивался и тревожился.

Маленькая булочка из семьи Цзи, судя по всему, не был человеком с жестким сердцем, и, скорее всего, увидев своего друга детства в слезах, он бы забыл о боли.

Он с трудом дождался, пока семья Цзи примет решение. Разве он мог позволить этому человеку беситься у него под носом.

Хо Шу сказал Юань Хуэйжу: «Тетя иди первой, мне нужно обсудить кое-что со старостой».

Юань Хуэйжу немного удивилась, что хочет сделать Хо Шу, но он уже вырос, и у него были свои дела, поэтому она тактично не стала спрашивать: «Хорошо, тогда возвращайся пораньше».

«Мм».

Сказав это, Хо Шу двинулся вперед.

Юй Линсяо, найдя Цзи Янцзуна, взволнованно крикнул: «Дядюшка Цзи!»

Цзи Янцзун, услышав это, увидел человека и нахмурился, не желая с ним разговаривать.

Видя, что человек вот-вот подойдет и начнет приставать, Цзи Янцзун почувствовал крайнее отвращение и боялся, что не выдержит и обругает его. В тот момент, когда он хотел приказать Да Ню остановить его, высокая фигура опередила Юй Линсяо и подошла вперед: «Староста, прошу об одном деле».

Когда Цзи Янцзун увидел Хо Шу, он улыбнулся и сказал: «Доблестный господин Хо, зайдём внутрь и поговорим».

Сказав это, он, сделав вид, что не заметил Юй Линсяо, сразу же провел Хо Шу внутрь.

—

<http://bllate.org/book/14480/1281180>